

ПРЕДИСЛОВИЕ

Об особых путях развития России сегодня не рассуждает разве что ленивый. «Русская идея», национальный характер, менталитет, традиции, самобытность – эти понятия за последние десять стали неотъемлемой частью отечественного «публично-кухонного» дискурса. С середины девяностых годов говорить о подобного рода вещах стало модно, - почти так же, как несколькими годами ранее ругать коммунистов и восхищаться «свободным западным миром». Однако времена меняются и общественные настроения следуют за ними. Тема, разошедшаяся по рукам, - а именно таковой сегодня является тема самобытности и «особого пути», - приобретает ряд специфических качеств, едва ли способствующих ее научному изучению. Речь здесь идет о ее избыточной «деонтологической обремененности». На передний план дискуссии о своеобразии российского культурно-исторического опыта в очередной раз выходит оценочный мотив. Решение вопроса «о сущем», являющегося в значительной степени вопросом эмпирическим и этически-индифферентным, ставится в зависимость от уже решенного тем или иным образом «вопроса о должном».

При таком подходе антиномия «Россия – Запад» принимает вид вульгарных противопоставлений типа «хорошая Россия – плохой Запад» (или «хороший Запад – плохая Россия»). Понятно, что для ученого, ориентирующего свой исследовательский интерес на изучение феномена культурного разнообразия, подобный взгляд оказывается неприемлемым. Здесь вслед за Максом Вебером можно было бы повторить: «Тот, кто ждёт «проповеди», пусть идёт в собрание сектантов. Мы ни одним словом не упоминаем о ценностном соотношении сравниваемых здесь культур. Не подлежит сомнению, что человек, обозревающий какой-либо отрезок того бесконечного движения, которому подвластны судьбы людей, ощущает оглушительные удары рока. Но ему следовало бы воздержаться от своих ничтожных комментариев; они здесь так же неуместны, как выражение восторга при виде моря или гор» [38, с. 58].

Исследователь-компаративист на основании имеющихся у него данных (к числу коих не относится ни его мировоззрение, ни его политические взгляды) не может судить о «достоинствах» и «недостатках» той или иной социокультурной традиции. Он может лишь констатировать, что объектом его изучения являются *разные* общества и *разные* культуры, не соответствующие и не обязанные соответствовать какому-либо конкретному исторически относительному идеалу.

В представляемой здесь работе концепт культурной самобытности используется в качестве инструмента, при помощи которого конструируется антиномия «Россия – Запад». При этом реализуемый в ней подход основывается на ряде предпосылок и допущений, ограничивающих не только авторские задачи, но и авторские притязания. Компаративная диада «Россия – Запад» принимает черты антиномичности лишь в той мере и постольку, в какой и поскольку мы концентрируем наше внимание на *различиях* «аксиологических матриц», лежащих в основании западной и российской культур. Но наряду с различиями существуют также и сходства – этот факт является неоспоримым, и более того вполне заслуживающим самостоятельного исследования (причем последнее могло бы выставляться как на базе культурдетерминистской, так и иной методологической программы).

Идея самобытности помогает описать диаду «Россия – Запад» именно как «антиномию». Если относительное несходство общественных систем налицо, то, спрашивается, под влиянием каких сил оно формируется? Различие типовых моделей мироориентации, объективируемых в действиях людей, принадлежащих к разным обществам, по всей видимости, можно считать одним из решающих факторов, хотя и, разумеется, не единственным. Настоящее и прошлое российского общества так же связано с настоящим и прошлым его культуры, как и, соответственно, современное состояние

западных социальных систем связано с базовыми аксиологическими доминантами новоевропейской культурной традиции. Исторический опыт западной цивилизации не менее (а быть может, - даже более) самобытен [уникален], чем исторический опыт России. В общем, если непохожи культуры, то непохожи и общества – именно эта «простая до банальности» (хотя и небесспорная) мысль явилась лейтмотивом данной работы.

В настоящем исследовании мы постарались эксплицировать одностороннюю детерминационную связь в системе «культура → общество» (вынося при этом связь, ориентированную в обратном направлении, в существовании которой едва ли стоит сомневаться, за рамки нашего рассмотрения). Указанная связь была не только теоретически описана (первый раздел работы), но и проиллюстрирована на примере «сопоставительного анализа» социокультурных систем России и Запада (второй и третий разделы).

Г.С. Батыгин – первый читатель этой работы – указал на ряд «слабых мест» развиваемой в ней концепции. Его критика была исключительно доброжелательной и в то же время чрезвычайно жесткой. Она обладала мощнейшим «фальсифицирующим потенциалом», сыграв впоследствии роль своего рода «мины замедленного действия» по отношению к взглядам автора данного исследования. Первоначальная версия представляемой здесь работы приобрела «бумажный вид» во второй половине 1990-х гг. С тех пор авторский взгляд на проблему «Россия – Запад» и связанную с ней проблему самобытности претерпел существенные изменения. Сегодня нам представляется очевидным (и во многом именно благодаря критике профессора Батыгина), что теоретическая позиция, выносимая на суд читателя в данной работе, отнюдь не является «безупречной». Однако, по нашему мнению, доля эвристической ценности в реализуемом в этой книге подходе все же содержится, особенно если принимать во внимание соображения, указывающие на изначальную ограниченность его объяснительных возможностей.

Как справедливо отмечал профессор Батыгин, теоретико-методологическая программа культурного детерминизма основывается на преувеличении роли ценностей в процессе структурирования объективных, конкретно-исторических форм социальной реальности. Данная программа связана с неокантиански-веберовской, номиналистической исследовательской установкой, приписывающей культурным ценностям статус самостоятельных и автономных систем ориентации, конструирующих соответствующие им «картины и мира», «образцы» и поведенческие стратегии социальных субъектов. Эти самые картины мира, образцы и стратегии в свою очередь организуют внутренний и внешний опыт субъекта социального действия, что выражается на практике в объективации тех или иных институциональных комплексов («капитализм»/«социализм», «демократия»/«авторитаризм» и т.п.).

Если мы начинаем рассуждения о некоей культурной традиции с гипостазирования той или иной характеризующей ее, содержательно определенной системы ценностей, нам всегда могут задать вопрос: а откуда берутся эти ценности? Не являются же они присущими конкретному сообществу (народу) изначально, как соответствующие его «вечной идее»? Если нет, то остается ответ: «формируются в процессе исторического развития». А это значит, что принимаемая культурным детерминизмом априори модель объяснения («ценности порождают институты») обнаруживает свою ограниченность: ведь «формироваться в процессе исторического развития» означает, в сущности, то же, что «находиться под влиянием объективных, внешних условий (природных, институциональных и т.п.)». Ведь конкретное аксиологически мотивированное действие всегда совершается в контексте правил и отношений, уже существующих в рамках определенного исторически сложившегося социального порядка.

Действия логически предшествуют институтам, но фактически и эмпирически всегда разворачиваются в установленных ими пределах. Здесь включается дюркгеймовская аргументация: самовоспроизводящаяся реальность *sui generis* властвует над умами и

поступками людей, используя «коллективные представления» в качестве эффективного инструмента социального контроля. При таком подходе культурные ценности утрачивают свою оригинальность, «самостийность» и детерминационный статус, а на их долю выпадает лишь скромная функция трансляции структурных влияний, исходящих от лица всесильной социальной системы, утверждающей свою независимость от субъективных намерений и устремлений составляющих ее индивидов.

Дилемма «ценности → институты» / «институты → ценности» является фундаментальной для социологической теории в целом. Искать правого в «споре об универсалиях», идет ли речь о его онтологической транскрипции (реализм – номинализм), или же о транскрипции эпистемологической («объяснение» – «понимание») представляется делом совершенно бессмысленным. Контroversа «субъект – структура» не может быть разрешена ни в пользу объективистов, ни в пользу субъективистов. У каждой из сторон в этом споре – своя правота, но правота относительная. В настоящем исследовании разворачивается «субъективистски-номиналистическая» аргументация, однако, без претензии на абсолютную значимость. В данной книге мы рискнули последовать по пути, проложенному Вебером, в полной мере осознавая, что этот путь не является ни единственно возможным, ни теоретически и методологически непогрешимым.

Второе важное возражение профессора Батыгина в адрес настоящей работы относилось к характеру материала, на базе которого выстраивались авторские суждения о конкретном содержании российской и западной культурных традиций. Можно ли судить о специфике культур России и Запада по набору социально-философских спекуляций (пускай даже и очень авторитетных)? Находят ли в аксиологических портретах современной западной цивилизации, изображенных на страницах веберовской «Протестантской этики...», зомбартовского «Буржуа» или шпенглеровского «Заката Европы», адекватное отражение ее действительные, эмпирические черты? Можно ли считать Н.А. Бердяева специалистом по «русской идее», веховцев – экспертами по вопросу об особенностях мировоззрения революционной интеллигенции, или изучать «характер русского народа» по одноименной книге Н.О. Лосского? Можно ли вообще говорить о каких-либо устойчивых аксиологических доминантах по отношению к таким сложным и гетерогенным социальным образованиям как Россия и Запад?

Здесь возникает опасность «мифологизации» описываемой антиномии. Как говорил Г.С. Батыгин, «образ России, о котором Вы пишете, создан великой русской литературой». То же можно сказать и про образ Запада в трудах классиков европейской социальной теории. При этом у ученого-эмпирика, будь то социолог, или историк, здесь появляется естественный вопрос: в какой мере сконструированная таким образом антиномия описывает настоящее, фактическое своеобразие ценностей изучаемых культур? Что же может ответить на это незадачливый теоретик? Очевидно, высокомерная философская формула «если теория не соответствует фактам, то тем хуже для фактов» в век господства научно-эмпирического стиля мышления его едва ли выручит.

Отвечая на подобное возражение, мы попробуем, как и в других случаях, рассуждать в «неокантианской» манере. Все формы человеческого знания – философского и научного, не исключая также и эмпирические исследования – представляют собой различные способы организации мыслительного материала, осуществляемой познающим субъектом. Суждение о фактах не тождественно самим фактам. Наука, как и философия, имеет дело не с «вещами в себе», но с «вещами для нас». Конкретная наука создает «селективный» образ изучаемого ей сегмента действительности – образ схематизированный, упрощенный (или, напротив, усложненный). Иначе говоря, наука всегда *конструирует* собственный объект (хотя и подчиняясь при этом определенным правилам логического вывода). Выражаясь веберовским языком, можно было бы сказать: образ Запада и образ России суть не что иное, как «исторические идеальные типы», искусственные мыслительные модели, позволяющие выделять связи и аспекты, представляющиеся существенными с точки зрения решаемой исследователем теоретической задачи. Наша же задача

заклучалась именно в том, чтобы показать каким образом типовые системы ценностных ориентаций социальных субъектов могли воплощаться в их поведенческих практиках, способствуя тем самым утверждению конкретных (известных из истории) институциональных порядков.

Поскольку названные порядки на Западе и в России были различными, мы предположили, что такое различие могло объясняться (хотя бы отчасти) различием искомых систем аксиологических ориентаций (на Западе и в России, соответственно). «С оглядкой» на поставленную гипотезу осуществлялся и подбор материала. Аксиологический портрет Запада в исполнении М. Вебера и аксиологический портрет России в исполнении Н.А. Бердяева подходили для наших целей и были реинтерпретированы в специфическом проблемном контексте данного исследования. В результате такого «спекулятивного конструирования» получились образы яркие, рельефные, хотя и, с другой стороны, неизбежно гиперболизированные.

Мещанин-буржуа, - эдакое живое воплощение абстракции homo oeconomicus, «трудоголик»-протестант, радикал-правдоискатель, божий человек – пустынножитель и странник – все эти «типы» можно считать, конечно, продуктами мыслительного преувеличения, однако, в них запечатлелись «приоритеты» духовной жизни целых эпох в истории России и Запада. Подобные люди, даже если они и не составляли большинства, считались «культурными героями» своего времени. Напряженную рефлексию социальной теории и историософской публицистики по данному поводу можно рассматривать как одно из значимых свидетельств данного факта. К тому же, общественная мысль с ее «в высшей степени субъективными» фантазиями обитает не в безвоздушном пространстве, но является имманентной составляющей самой общественной жизни. Представления о социальной реальности в некотором смысле создают саму эту реальность; или «через теорему Томаса»: если та или иная идея (например, идея самобытности) существует в чьих-то головах, то она является реальной – причем не только на уровне сознания, но и «по своим последствиям».

Не только конструктивная критика, но и дружеские беседы, а также неформальные научные консультации профессора Батыгина имели для автора данного исследования огромное значение. Также хотелось бы выразить признательность рецензентам - доктору социологических наук, профессору В.И. Шамшурину и кандидату философских наук М.А. Мануильскому, прочитавшим работу и сделавшим ряд ценных замечаний, касающихся отдельных ее проблемно-тематических фрагментов. Благодаря поддержке Национального фонда подготовки кадров данная работа приобрела формат спецкурса, составив основу учебно-методического комплекса, разработанного для студентов магистратуры факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов. Декан факультета профессор Н.С. Кирабаев и заведующий кафедрой социологии профессор Н.П. Нарбут помогли автору решить многие из организационных проблем, связанных с изданием книги.

Д.Г. Подвойский
Москва – октябрь 2004 г.